Через несколько часов Кирия стояла у дверей массивного Зимнего зала, официальной приемной рядом с Кабинетом, его кессонные потолки отражали скрытый свет, падающий на покрытые шелком стены и на позолоченную мебель, обивка которой была бледнокремовой.

Вся комната была залита светом, белым на белом, безупречным и величественным. С каждым ведущим членом каждого Королевского Дома, который имел резиденцию на Корусанте, связались, и когда вы получили приглашение из Императорского дворца, вы не отказались. И, конечно, они бы увидели; они все уже видели короткую запись; его невозможно было остановить, как лесной пожар по Голонету. Но пока никто не знал правды; никто не был уверен. Это была ее среда. В этом была ее сила. Она знала этих людей; она знала, как они думают, и она знала, как они реагируют, и она знала, что они уважают, и какие страхи они никогда не выражали.

Сделав единственный вдох, прижав закрытую руку к груди, она шагнула вперед, и широкие высокие двери бесшумно распахнулись. Кирия прошла по длинному коридору одна, без свиты, без ничего, что могло бы уменьшить ее изоляцию - и она была одета в белое. Белый - цвет, который она не носила годами, платье - простое, но изысканное, тяжелая бледно-серая мантия, изысканная и сдержанная, подобранная, как и чистая белая комната, с большой осторожностью.

Все было тщательно организовано, чтобы вдохновлять и влиять на присутствующих, организовано на понятном для них языке. В комнате воцарилась тишина, собравшиеся сановники со всем уважением отступили, чтобы дать ей широкий проход, пока она шла, высоко подняв подбородок, абсолютно императрица.

Добравшись до изголовья комнаты, она перешла к дальнему краю большого белого базальтового стола, тщательно подготовленного для выполнения сегодняшней задачи. На мгновение она мельком увидела Мару Джейд, стоявшую в стороне в конце комнаты; видимое доказательство солидарности Дворца во времена потрясений. Обернувшись в комнату, Кирия подождала несколько секунд, больше для эффекта, чем что-либо еще, уверенная, что она уже полностью сосредоточила их внимание ...

Подойдя к безупречному базальтовому столу, она разжала стиснутую ладонь и выронила содержимое... Кольцо Императора, все еще пропитанное засохшей кровью, громко стукнуло по белой поверхности. Внутри кольца был свернут небольшой кусок пергамента, которым оно было обернуто, и падение кольца выбило его так, что оно развернулось, широкое размазанное пятно крови от этого неровного, всепроникающего пятна превратилось в темный рубиновый контраст на бледно-белой поверхности. Шорох шока распространился по собравшейся толпе, как лесной пожар, усиливаясь, усиливаясь и возмущаясь.

И Кирия знала, что они у нее есть. Даже без той речи, которую она собиралась произнести, она знала, что разожгла их негодование и негодование. Что они будут тянуть за нее и держаться вместе; сплоченные ряды против внешней силы, осмелившейся угрожать их Императору, вершине их обычаев, их условностей и их образа жизни. Она ждала долгие минуты, пока шепот превратился в слова, а затем в крики; подождал, пока они снова медленно утихнут «От имени Императора я благодарю вас за ваше присутствие здесь сегодня вечером; за ваше праведное возмущение в связи с таким поворотом событий, за ваше единство, за вашу поддержку, за вашу силу ...» .

Это была речь, которую девять доверенных авторов вынудили написать и довести до совершенства; речь, которая сфокусировала бы реакцию присутствующих и укрепила приверженность королевских домов наравне с уже разгневанными военными. Речь, чтобы

вдохновить верующих и сплотить дело. Как было тщательно спланировано в этом тщательно организованном мероприятии, Кирия произнесет речь, возьмет кольцо, наложит его на палец своей, теперь уже не украшенной, руки и уйдет ... И забрызганный, залитый алыми пятнами пергамент останется на этом безупречном белом столе, заявление столь же убедительное, как любые слова, которые могла произнести Императрица. . . .

Команды сначала приходили медленно, по одному или два по дипломатическим каналам, от тех, кто присутствовал в Зимнем зале; затем постоянно использовались три канала, затем четыре, затем восемь, затем двадцать, по мере того как изображения распространялись по Голонету, и слухи о том, что произошло во Дворце, гудели через Правящие Дома, каждая входящая связь выражала одно и то же; возмущение. Королевские дома делали единственное, в чем они могли постоянно положиться; они сплотились вокруг одного из своих, сплотившись на стороне Императора. Он был священным; неприкасаемый. Его положение было выше таких мелких махинаций. К рассвету была выделена комната для приема сообщений поддержки по мере распространения новостей.

Потом еще один. Потом еще один. Каждый глава каждой Семьи объединяется на стороне Императора, которого они теперь считали своим. По мере распространения изображений Голонета сообщения приходили также из других источников в неожиданном количестве; Планетарные представители, руководители систем, правящие советы. Все и вся поддержка; все, что они могли предложить. Их собственные системы уже были мобилизованы, гражданское население было вооружено, их негодование разжигалось и подпитывалось. Нелюди были возмущены; Император, вернувший им их права, свободу и достоинство, теперь нуждался в них. Их собственная территория будет обыскана; Для тех, кто совершил такой поступок, не будет безопасного квартала, гавани. Официальные комнаты работали в течение дня, чтобы принимать звонки; заявления о солидарности, лояльности, безоговорочной поддержке. .

По своей привычке Мара и Натан отсиживались в офисе Люка, перебирая новые данные Intel, количество звонков продолжало расти, и Мара вынуждена была признать, что Кирия совершила ошеломляющую эффективность. Она играла для публики, которую знала, с идеальной подачей, и результаты были невероятными, но население в целом тоже было возбуждено провокационными изображениями со страстью и возмущением, которых никто не ожидал. Когда-либо игрок, Алая Императрица отменила все публичные мероприятия, но все же позволяла видеть себя несколько раз в течение дня, все еще одетая в белое, все еще нося кольцо, живое воплощение решимости народа. Мара знала, что эта победа полностью принадлежит ей. И он знал почему; она достигла многого, потому что использовала свои сильные стороны ... что напрашивало вопрос; почему Мара не делала того же?

Помощник вошел, чтобы сообщить им, что Императрица ждет, и когда Кирия вошла, это было с ее типичной грацией, хотя, по крайней мере, у нее хватило приличия выглядеть усталой, подумала Мара. Она вежливо поклонилась Маре, всегда придерживаясь протоколов, на которых выросла. "Я пришел спросить, слышали ли вы о флагах, мадам Регент?" "Флаги?" Легчайшая безрадостная улыбка коснулась губ Кирии: «Мне сообщили, что все флаги систем, Домов и планет развеваются наполовину по всей галактике - все флаги, кроме Лоррика Императора. Лоррик ; Флаг Люка, всегда развевающийся с балкона вымпела, если он был в резиденции, и красуется, к его большому сожалению, на большинстве официальных звездолетов, на которых он путешествовал.

Поскольку частью его дизайна был венок из лоррикской ивы, со временем флаг Люка стал известен по всей галактике сначала как флаг Лоррика, а теперь просто как Лоррик. Он ненавидел саму идею герба, когда его называли Наследником; думала, что это претенциозно и

смущает, Мара должна была уговорить и заставить ее вообще выбрать одну. Она часто задумывалась про себя, не потратил бы он немного больше времени, чтобы выбрать его, если бы знал, что будет видеть это так часто в будущем; возможно нет. В тот же момент к Маре пришло еще одно воспоминание, от которого у нее в груди пробежала боль отчаяния; Люк, дразня ее, когда она пыталась заставить его сделать выбор, злая ухмылка на его лице, когда он передал ответственность Натану с увещанием;

«Выбирайте его осторожно - однажды вы можете летать на нем наполовину». Ей достаточно взглянуть в собственное лицо Натана, чтобы понять, что он вспомнил те же самые слова. Д'Арка прервал ее мысли, как всегда пронизательный. «Я приказал, чтобы все флаги на балконе вымпела, за исключением «Лоррика» Императора, были подняты наполовину, пока... пока он не вернется». Мара взглянула на нее, у нее возникла мысль: «С чего началась эта тенденция?» «В королевских домах, мэм». "В самом деле?" - спросила Мара.

«Это не было бы на Борлейасе, не так ли? Или на Комменоре, или, может быть, на Тейре?» Кирия улыбнулась при упоминании о планетах, находящихся под контролем Дома Д'Арка. «Сложно сказать, с чего начинаются такие вещи», - весело сказала она. «Однако это не было ни на одной из тех планет, которые находились под прямым контролем Дома Д'Арка; я никогда не был бы таким наглым».

Мара прищурилась от косвенного ответа, вновь убедившись в остром дипломатическом уме Кирии; конечно, она была бы достаточно умна, чтобы избежать любой прямой связи, вероятно, сначала запросив ее у одного из менее очевидных связей Дома Д'Арка. Сфера влияния Д'Арки варьировалась от связей брака со многими известными королевскими домами до впечатляющих военных связей, и Д'Арка не думал о том, чтобы вызывать какие-либо услуги, чтобы изменить какой-либо аспект этой конкретной битвы для нее - и, следовательно, Люка - преимущество. "Думаешь, это поможет?" - спросила Мара. «Это несомненное проявление лояльности, которая распространяется по всей галактике, очень публичное заявление, в котором каждый чувствует, что они могут принять участие в, быть частью из. Что - то, который будет подсознательно виден повсюду, от Корусканта до Ammuud.»

"Это вернет его?" Мара знала, что это было мелко, но это утро было пятым по счету рассветом, который она видела, разбивая убывающую ночь, и мучительно устала. «Это заставит задуматься каждого и повсюду». «Я думаю, что изображения, выпущенные Madine, делают это». - кисло сказала Мара. «Изображения, опубликованные Madine, сделали эту солидарность возможной», - твердо заявила Кирия. «Они сделали многое возможным. Если бы они не были такими... спорными, наша задача могла бы быть намного сложнее. На самом деле они могут повернуть общественное мнение против Восстания - и где же тогда они будут прятаться? Фактически, это может переломить ситуацию во многих отношениях».

Мара выпрямилась: «Все в жизни в конечном итоге не сводится к соревнованию по популярности, ваше превосходительство». Кирия подняла подбородок: «Я разочарована, мадам Регент; я думала, вы так хорошо его знаете». Мара посмотрела на нее изумрудно-твердыми глазами: «Я знала его гораздо лучше, чем вы, ваше превосходительство; я знаю его до сих пор». Кирия холодно и натянуто улыбнулась: «Все в жизни не сводится к борьбе за популярность, мадам Регент. Я утверждал, что знаю политическую повестку дня Императора.

Думаю, я знаю некоторую часть того, что он намеревался, и, следовательно, что он необходим для достижения этих целей. И простите меня, мадам Регент, но я считаю, что если бы он был здесь прямо сейчас, он все равно считал бы эти цели первостепенными. Это то, что сделало его Императором. И когда он вернется, Сила поможет мне, если я не использовал все возможное использование этого изливания лояльности в его отсутствие. Он уже заплатил за это высокую

цену, и я считаю своим долгом убедиться, что он извлекает из этой цены хоть сколько-нибудь выгоду, мадам Регент ».

Когда д'Арка натянуто поклонился и повернулся, чтобы уйти, Мара обратила внимание на ее руку; к единственному кольцу, которое она теперь носила; Кольцо Люка. Примечательно, что это единственное кольцо, которое, как она утверждала, будет носить до его возвращения. Почувствовав кратковременный приступ ревности, Мара снова вспомнила тысячу раз, когда она наблюдала, как Люк бездумно крутил пальцем кольцо с синим камнем на своем мизинце, когда он был погружен в свои мысли. Она приложила руку к своему вырезу, где, незаметно для всех, она привыкла носить Императорскую звезду с черными драгоценными камнями, которую она так ярко помнила, как Люк носил свой парадный костюм в ту ночь, что они танцевали в одиночестве в темной тайне балкон.

Его вес, привязанный к ленте на шее, стал знакомым утешением, постоянным напоминанием. И где-то в каком-то крохотном уголке своего разума, который она решительно игнорировала, она не могла не опасаться, что на его похоронах будет та же звезда с черными камнями. . . . Каррде? - это был Авес, заместитель Тэллона Каррде, заглянувший в дверь кабинета Каррде на борту « Уайльд Каррде » с лицом, похожим на гром. « Тебе действительно нужно прийти и увидеть это. Он стал вирусным в Голонете менее часа назад. Это уже везде ». Каррде нахмурился, вставая. "Что это такое?" Авес покачал головой, не желая ничего говорить.

« Тебе нужно это увидеть ». . Они стояли перед голопроектором, наблюдая за основным трехмерным изображением избитого человека, лежащего без сознания на шершавом, залитом кровью полу. Когда изображение закрылось, ботинок вошел в угол кадра и не слишком осторожно ударил мужчину ногой, его голова склонилась набок, а лицо было едва узнаваемым. Изображение продержалось на этом изувеченном лице слишком долго, прежде чем руки, все еще покрытые кровью избитого человека, подошли к его потертой левой руке, которая свободно упала на его грудь, выбивая из его пальца кольцо с большими камнями, вставленное в тяжелую безель, индиго-синий цвет камня почти полностью скрыт пятном темной крови. «... Время прошло; Альянс за восстановление Республики положил этому конец.

Через семь дней мы завершим несправедливую систему абсолютного правления Империи - тот, который мы разделим со всем...» Каррде без реакции смотрел серию образов уже в пятый раз, эмоции сжимались, как всегда, сжимая челюсти. Вокруг него с одинаково серьезными лицами сидели Авес, Чин и Таппер. « Угадайте, это объясняет, почему половина имперского флота мобилизована и отходит от обычных рутинных дел », - мрачно сказал Авес в тишине Каррде, перебивая синтезированный голос за кадром, который заявлял об ответственности от имени Альянса повстанцев и не намекал слишком тонко на эскалация намерений.

« И почему они убивают всех информаторов от этого места до Обода ». - Это летный костюм повстанцев, - хладнокровно подтвердил наконец Каррде, скрестив большие руки на груди. "Уверен?" Авес прищурился, наклонившись вперед. В организации Каррде было мало людей, которым доверяли достаточно, чтобы знать личность своего основного клиента, и все они прямо сейчас собрались в комнате связи, глядя на экран одинаково. мрачной оценки от каждого из них.

« Потому что это я, или это кажется безумно опрометчивым для организации, которая за последние несколько лет в значительной степени вытеснена на край ». "Да, и кто именно это сделал?" - подсказал Таппер, не отрывая глаз от экрана. Авес не верил: « Разве не тот Император, который позволил пилотам повстанцев улететь после неудачного налета на Фондор, не так ли? » "Вы знаете какую-нибудь другую организацию, у которой есть серо-синие летные костюмы?" - сказал Каррде, нажимая кнопку, чтобы изображение повторилось. « И

посмотрите, где были нашивки Group; вы можете увидеть, где они их сняли; это летный костюм A-Wing».

«Летный костюм легко достать». - сказал Авес, слегка наклоняясь, чтобы изучить изображение. «Хороший тонкий указатель, если вы пытаетесь обвинить Восстание». «Было ли что-нибудь из подтвержденных источников повстанцев за последний час?» - спросил Каррде, снова наблюдая. «Нет, и вы хотите знать, что еще странного? У этого есть большая часть, но не все, официально закодированные всплески аутентичности в начале и в конце». - сказал Таппер. «Так это в основном, но не полностью законно?» Каррде сардонически протянул.

Однако Авес был прав; странно, что это сделали повстанцы не так давно после Фондора. И это действительно не в их стиле; По большому счету, он полагал, что они в значительной степени означали все те разговоры, которые они вели о высших ценностях Старой Республики ... неужели они действительно избили человека без сознания, а затем с гордостью наклеили это на весь Голонет? Нет; не было правдой. «Голонет светится отсюда до Амууда, как гипердвигатель», - рассеянно сказал Чин. «Они думают, что он скоро рухнет». «Я удивлен, что они его еще не закрыли». Каррде пробормотал: Как они его вообще держали? Вы хотели удержать ситхов, вам, черт возьми, нужна особенная клетка ...

Клетка для ситхов ... Каррде внезапно вспомнил дискуссию, которую он вел с Императором полгода назад, когда он впервые услышал, что поступил запрос на набор чертежей с деталями ячейки, установленной на SSD Executor. Совершенно особенная ячейка. Император дал Каррде набор планов, которые он использовал в качестве приманки, чтобы заманить покупателя. Каррде вспомнил, как в то время утверждал, что он думал, что это могло быть восстание - и они казались очевидным выбором... в то время.

Теперь, после Фондора, Каррде не был так уверен. Он внезапно почувствовал облегчение от того, что сделка по поставке покупателю планов сорвалась, и это не было его делом, даже непреднамеренно. И говоря о намерениях; Каррде быстро повернулся и посмотрел на Авеса. «Контакт по поводу камеры, откуда мы взяли слово?» "Какая?" Авес нахмурился, отброшенный неожиданным вопросом Каррде, его глаза все еще были притянуты болезненным очарованием, чтобы наблюдать за коротким воспроизведением изображения из Голонета, которое повторялось снова и снова.

«Планы камеры, помните - мы связались, получили координаты, была назначена встреча, чтобы их забрать, потом покупатель отказался... Откуда пришла связь покупателя? Гент поставил черный ход в ретрансляционная станция ". «Я могу проверить». - сказал Авес. "Сделай это." Каррде сказал. «А Авес, пока ты там, начни расспрашивать. Кореллианец - тот, кого мы сняли с Патриота несколько лет назад...» Каррде знал не так много повстанцев - в конце концов, это было бы немалой помехой, учитывая его основного клиента, - но у него было имя одного, и, как оказалось, тот, кого он действительно знал и который знал его, имел оказались довольно близко к вершине стопки. «Солин? Или я должен сказать Соло». - сухо сказал Авес. Конечно, они сделали несколько проверок - сохранили несколько полезных изображений из внутренней системы безопасности шаттла Уайльда Каррде .

Оказалось, что лейтенант Солин на самом деле был неким Ханом Соло. Оказалось, что у него было больше одной преданности, что было редкостью для кореллианцев. Каррде следил за Соло после этого, ему было любопытно, что именно происходит, и все, что он слышал, указывало на то, что этот человек был командиром повстанцев с, как казалось, очень высокопоставленными знакомыми по обе стороны пропасти. Каррде также казалось, что без прямого контакта с Императором у него было мало шансов заставить какого-нибудь имперского бюрократа или грязного карьерного генерала слушать его ... но он был готов

поспорить, что Соло будет Потому что каждый кореллианец знал, что в трудном уголке ты обращаешься за помощью везде, где, черт возьми, можешь ее получить. «Это тот. Он летает на грузовом судне УТ под названием «Тысячелетний сокол». Найди его».

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288442>